

Варенька-рыбачка

Июньский полдень. За окном тишина, будто вымерла деревня. Близко скрипнула калитка. В избу шумно вошёл отец. Прямо с порога выпалил, словно из ружья:

— Мать! Война началась с немцами...

Громко чертыхаясь, прошёл и сел за стол. Мать его не поняла, спросила:

— Отец, какая война? Ты недавно говорил, что Сталин заключил с Гитлером мир,— и недоверчиво глянула на отца.

— Да, говорил... Завтра тех, кто подлежит призыву, я обязан отправить в райцентр. Я, например, один из первых записался. Кого-нибудь да пришлют вместо меня. Свято место пусто не бывает,— нахмурившись, серьёзно ответил отец.

— А мы как здесь без тебя? У меня на руках останется малышня. Наташка — та совсем мала. Санька слабак. С Варьки толку мало... — мать расхныкалась и отвернулась.

— Цыц, разнулась. Ещё неизвестно, у меня бронь. Пока. Найдут замену и сразу пошлют на фронт. А насчёт Вари ты, мать, зря наговариваешь, да и Санька не слабак, пушай оба помогают...

Отец нервными движениями зашарил по карманам. Вытащил пачку папирос, закурил. Услышав родительский разговор, вышла из соседней комнаты старшая дочка, семнадцатилетняя голубоглазая Варенька. Прислушалась.

— Советская власть поможет, если что,— уже начал расплятыся отец на мать.

«Сходить, что ли, к Шурке, с ней поговорить, та наверняка расскажет что знает. Не зря таскает почту...» — прислонившись к дверному косяку, подумала и молча вышла из избы.

Солнечно. Не жарко. С реки дул ветерок. Во дворе рыбзавода с десяток баб сидели на перевернутой рыбацкой лодке. И, между собой тихонько переговариваясь, посматривали на открытые ворота. Походив по двору, присел на завалинку, дымя трубкой, сторож, древний дед Трофим Жаткин. Все ждали бригадира Чалкина. Вошёл во двор и оглядел людей: — Начну с того, чтоб на работе не сачковали, а работали нормально. Сегодня должны подготовить две сети и законопатить лодку на завтра. Вопросы?..

В ответ — молчание.

— Тогда расходимся...

Чалкин подошёл к лодке и внимательно её осмотрел, недовольно покачал головой.

— Много гудрона уйдёт? А, дед? — обратился к сторожу.

Тот не сразу ему ответил:

— Есть такой кусок на складе, лично при мне Клавка получала год назад, с неё и спрашивай.

— Что-то я не вижу её среди нас.

Бабы тут же загудели.

— Сына завтра провожает на фронт. Сегодня ему стукнуло восемнадцать годков. День рождения справляет,— за всех громко выкрикнула долговязая русоволосая вдова-солдатка Капитолина.

— Всё равно должна присутствовать на собрании или отпроситься. Ладно, прощаю. Варя! — обратился к дочери. — Сходи и позови тётю Клаву Шестакову с ключом от склада. Да поживей...

Варенька, выслушав отца, ответила:

— Хорошо! Тятя, я сейчас... — и немедленно отправилась за кладовщицей.

— А вы чего расселись?! Кто будет чинить сети? — в приказном тоне обратился к бабам Чалкин.

Они с неохотой встали и пошли...

Как и рассчитывал Чалкин, в складе нашлись кусок гудрона и несколько мотков с «ниткой», чтоб «заштопать» дыры между ячеями. До позднего вечера бабам пришлось повозиться с лодкой. И с неводом...

Утро следующего дня. Погода, как по заказу, тёплая. Ветер временами легонько раскачивал речные волны. Солнечные блики от воды слепили глаза. Без суеты рыбачить начали с Первых Песков. Закинув невод на середине Тагана, рыбацки немного подождали. Один конец тащили по суше возле воды, а потом по берегу к кустам, другой с помощью лодки подтягивали к берегу. Варенька с пятью бабами, взяв конец с лодки, тянули к другому концу невода. Пока шли, меняли руки, перебирая сырую сеть. Она врезалась с каждым разом в ладошки, скользкая и пропахшая рыбой и речными водорослями. Наконец, вытянув полностью из реки, стали выбирать рыбу с водорослями. Улов оказался небогатым, в основном попались скользкие чебаки с ельчиками и колючие ёршики

с окуньками. Рыбёшка средних размеров. Подошёл Чалкин, посмотрел, сказал:

— Негусто! Завтра нам пришлют катер, Фадей Кузнецов с Киреевска пригонит, остался от райпотребсоза. Нынче их организацию наполовину расформировали ввиду военного положения в стране. Так что станет вам полегче, бабоньки, таскать невод. С утра с Иринска приедут два парня и дед Кондрат вам на подмогу. Рыбу в лодку, траву в сторону. Ещё разок закиньте, может, да поймаете чего.

Действительно, на этот раз рыбачки поймали более крупную рыбу. Они её рассортировали, загрузили и поплыли в деревню. Так закончился первый трудовой день для Вареньки и всех остальных рыбачек.

Утро следующего дня оказалось пасмурное, слегка лил дождик, где-то по западу ходили серые тучи. Собравшийся народ ждал Чалкина в рыбзаводском строении. Варенька стояла возле входа и посматривала на калитку двора.

— Слышь, чего говорю,— обратилась к ней Капитолина.— Отец сегодня будет? У нас дел дома знаешь сколько?

— С утра ушёл на Вторые Пески встречать катер,— она посмотрела на Капитолину, а в их разговор встряла баба Дуся:

— Я смотрю, тебе, Капитолина, неймётся болтовнёй заниматься. Сходи к деду Трофиму. Может, до чего-нибудь договоришься с ним.

Бабы тут же захохотали, лишь покраснела Варенька. Не обращая внимания на насмешки, Капитолина как ни в чём не бывало отошла в сторону. — Хм... — ухмыльнулся недовольно бородатый, похожий на старовера дед Кондрат. — Мели, Емеля, твоя неделя.

— Вот-вот, я тоже об этом, дядя Кондрат,— стоял в проёме входа и почему-то улыбался Чалкин.— А чтоб не сплетнями заниматься, шли бы невод грузить в лодку. Время не ждёт.

Закинув невод, через некоторое время медленно его вытягивали к берегу. Вытянув полностью на сушу, стали собирать улов.

— Ну что такое? У тебя руки подо что заточены?... — начала возмущаться и размахивать руками Капитолина на Посохина Женьку: собирая рыбу, он неловко кидал её в кучу.

Зато у Гришки Кедрова, за что бы ни брался, получалось ловчее. Варенька, видя неловкость горе-рыбака, прыснула от смеха:

— Хе-хе...

— Да дурака валяет этот Посохин. Старший брат Николай решил Женьку забрать в город, да не куда там, а пристроить аж в горком комсомола,— высказался в его адрес рыжий увалень Кедров, смачно плюнул.

— А тебе завидно?! Смотри, пожалеешь, рыжий,— прошипел и показал кулак долговязый Посохин.

— Ты ещё пугаешь?! Ах ты, глист в обмотках,— отбросив рыбёшку в сторону, пошёл на него в атаку раскрасневшийся от гнева Гришка.

Они сцепились, бабы заорали, дед Кондрат схватил весло и несильно ударил сперва одного, а потом другого драчуна.

— Ишь, распутились! А ну-ка прекратить драку! Мальчишки! Я вам щас... — сделал свирепое лицо, погрозил обоим кулаком.

Они тут же расцепились, тяжело дышали, исподлобья поглядывая друг на друга, разошлись в разные стороны...

Вечером подсчитали, улов получился неплохим. Драка не прошла мимо Чалкина. О ней рассказала Капитолина. Дома решил на всякий случай расспросить Вареньку:

— Давай рассказывай!

— О чём это, тятя? — удивилась дочь.

— Как Посохин с Кедровым подрались.

— Посохин тот ещё сачок, так сказала тётка Капитолина. Они с Гришкой подрались, что тот сказал ему при людях.

— А что ему сказал Гришка?

— Женин брат должен его взять на работу в горком комсомола.

— Ага, значит, вон куда метит этот Посохин. Пушай катится к едрёне... — в горячке ругнулся Чалкин. — Чем быстрее, тем лучше... Нам нужны здесь трудовые руки... Завтра отправлю с рыбой в город, пусть сдаёт и остаётся там.

На этот раз Варенька промолчала.

Ёжась в старой телогрейке, Варенька смотрела на закат. Выпавший под утро снежок лежал и не таял по всему огороду. Сзади скрипнула калитка, она обернулась.

— Вот что тебе скажу, дочка,— обратился к ней отец.— Скоро меня должны забрать на фронт, ты давай тут помогай матери. Сейчас конец октября, зима вот-вот настанет. Я на тебя надеюсь.

— Хорошо, тятя,— услышал её ответ.

— И ещё вы завтра с Санькой съездите и убедите наши сети. Ты знаешь, в каких местах они находятся.

Варенька лишь кивнула ему. Отец ушёл, она осталась. Ещё раз окинула взглядом чёрные волны Тагана и пожухлый берег, за которым спряталось солнце, направилась к калитке: «Зима нынче будет лютой, на днях сказала баба Дуся».

Утром Варенька с Санькой отчалили от берега и поплыли на вёсельной лодке в сторону протоки, идущей вдоль полуострова Золотого. Холодный ветер с севера дул им в спину, они с ожесточением работали вёслами, чтоб не мёрзнуть. Наконец доплыли к цели. Здесь уже не чувствовали холода. Проплыв с десяток метров, Варенька скомандовала:

— Стоп! Влево, к тем кустам...

Санька не стал возражать и вёслами начал как бы притормаживать. Лодка постепенно подплыла к нужному месту. Встали боком. Варенька сунула руку в воду, нащупав сеть, стала вытягивать её наружу. Санька с другого края затаскивал сеть на дно лодки. Улов оказался не очень богатым. Вытащили всю, поплыли дальше. Проплыв немного вперёд, остановились напротив куста черёмухи. Там стояла вторая сеть. Она оказалась короткой, с несколькими окунями. Вытащив её, развернулись назад, поплыли в деревню.

Доплывая к устью протоки, Варенька с Санькой увидели на берегу, как им махала Шурка. Подплыли, забрали. Она, сидя на носу лодки, сразу затараторила:

— Наш катер сломался, пришлось на моторке переплыть с той стороны на эту,— кивнула головой в сторону Кожевниково, заговорила:— Три повестки везу и одну похоронку.

Вздохнув, поглядела на Варьку, как бы говоря: «Я не виновата, такая моя работа».

— А что замолчала?— спросила её Варенька, налегая на вёсла.

— На твоего отца и дядю Сашу Кадкина эти повестки, и ещё на Гришку Кедрова. А похоронку отдам Маньке Солдаткиной.

Шурка замолчала, подплывали к берегу.

Лодка только приткнулась к берегу, Шурка соскочила и торопливо направилась с неполной почтовой сумкой по тропинке. Варенька с Санькой стали вытаскивать всё содержимое из лодки. Развешивая сети во дворе, чтобы они просохли, Варенька размышляла: «Наконец-то тятенька дождался повестку. А вот как нам здесь без него? Он всегда сам всё решал. Кедрову, можно сказать тоже „повезло“, на фронт уйдёт, а то участковый с Киреевска приезжал, им интересовался с подачи заявления Посохина. Хотел посадить Гришку, а отец его отправил в Могильники за рыбой. Дядя Саня Кадкин хоть хорошо стреляет, может, и возьмут в снайперы. Солдаткина не пропадёт, мужик сейчас живёт у неё на постое из ссыльных».

Вышла мать и её окликнула:

— Ты там не уснула? Айда в избу.

Она тут же очнулась от раздумий:

— Я сейчас, мама.

Снег лежал, не таял. Синева. Во дворе районного военкомата очень оживлённо. Молодой безногий мужик-гармонист в телогрейке нараспашку, откуда была ещё видна гимнастёрка с нашивкой о тяжёлом ранении, с орденом, играл и тут же себе громко подпевал: «Три танкиста, три весёлых друга, экипаж машины боевой...» Чалкин стоял в окружении жены и Вареньки.

— Ну вот, отец, и пришёл твой черёд,— и у матери навернулись слёзы. Она ткнула в грудь.— Митя, я люблю тебя. Ты только возвращайся. Я, кажется, забеременела.

Чалкин сразу начал её гладить:

— Если вернусь живым, даю тебе слово, для меня семья — святое. Свидетель — Варя. Погодите, прикурить надо на дорогу,— он легонько отодвинул мать от себя и направился к гармонисту:— Прикурить дай!

Тот кончил играть и полез в карман гимнастёрки. Вынул коробок и протянул ему.

— Это где тебя так угораздило?— спросил гармониста Чалкин.

— Дай лучше закурить,— взяв гармонь под мышку, чуть хромая на протезе, прошёл к высокому крыльцу и боком к нему прислонился.

Чалкин вытащил пачку и протянул. Гармонист достал одну папиросину, прикурил. С удовольствием затянулся.

— Под Бродами меня зацепило. Я же танкист. Меня комбат вытащил из горящего танка. Вот, живой остался,— снова затянулся, взгляд его стал суровым.— Если бы не он, лежать мне там с моим экипажем. Я сам с Киреевска.

— Погоди, ты не сын Кузьмы Воронова? Уж больно похож на него.

— Угадал!

— Ладно, передай ему, что Митьку Чалкина с Молчаново видел. Ладно, пойду к своим. Вот, возьми ещё одну папироску.

Он сунул её и слегка хлопнул его по плечу. А в это время вышел крепенький на вид, среднего роста майор и зычно заорал:

— По машине! Готовься!

Толпа тут же зашевелилась. Чалкин подбежал к жене, дочери, обоим крепко обнял:

— Мать! Варя! Прощайте! Авось увидимся...

Вскочил, ловко перемахнул через борт машины. Грузовики с призывниками заурчали, тронулись с места. Мать с Варенькой обнялись и горько заплакали, не стесняясь друг друга.

Прошёл ровно месяц, как отца забрали на фронт. Варенька чуть ли не каждый день спрашивала письмо у Шурки. Почтальонка постоянно от неё отмахивалась, а сегодня после обеда увидев её:

— Давай пляши!— подошла и сунула ей треугольник-письмо.

Варенька не стала его вскрывать, а понесла показывать матери. Мать лишь сказала:

— Читай!

Отец писал, что они пока находятся на сборах в Кривощёково. Мужики поговаривают, что должен через несколько дней приехать уполномоченный— и сразу начнёт набирать на передовую. Мать может приехать на свидание, есть место, где они смогут встретиться на целых двенадцать часов. И на этом заканчивалось отцовское письмо.

На следующий день мать у временно исполняющего обязанности бригадира деда Кондрата взяла лошадь с санями и поехала через Киреевск в Кривощёково к отцу. Варенька осталась одна

разбираться с малышами, а тринадцатилетний Санька пошёл за двоих отработать трудовень. Через день к вечеру вернулась с красными глазами мать—видимо, когда ехала, постоянно плакала. покормив Наталью грудью, она с нею уснула.

Утром мать заговорила с Варенькой:
— Отец как огурец. Всё у него в порядке. Нового бригадира прислали, я его с Киреевска забрала. Пока ехали, мне надоело: ох и нудный он, злой. В районе был помощником секретаря, на собраниях не так высказался. И за это его к нам послали. Будет жить у Капитолины.

Варенька в ответ ей ничего не сказала, а только дёрнулась плечиками от нехорошей вести.

Выпавший снег, пушистый, хрустел под ногами. Погода нынче изумительная. Варенька торопилась на двор рыбзавода. Почти все бабы собрались, не хватало Капитолины. Пыхтя, торопясь, вошёл среднего роста усатый мужичок с крысиной мордочкой, в бурках, в белом тулупе и барашковой папахе, а сзади него выглядывала Капитолина.

— Здравствуйте, товарищи! Я Крысин Фёдор Павлович,—поздоровался вошедший.

Собравшийся народ в ответ ему промолчал.
— С сегодняшнего дня командовать парадом буду я. Вы меня поняли?!—внимательно посмотрел, продолжая:— Сачки и прочий сброд здесь не нужен. Отправляю в Магадан. Так что вот таким образом. Вопросы есть?

Молчание.

— Ну, раз нет, расходись. Завтра в это время здесь я жду всех. Приму дела у исполняющего.

Бабы вышли и между собой начали переговариваться. Варенька заспешила домой, краем уха услышала, обходя их:

— Этот нам такой свободы не даст, как Митька Чалкин. Партийный отморозок...—отборная матерная брань в его адрес.

Две недели бабы без отдыха рыбачили на Тагане, в эту обоюму попала и Варенька. Крысин, как надзиратель, постоянно поторапливал баб, которые от его визга уши затыкали и молча прекращали работать. Новоявленный бригадир ещё сильнее начал словесно воевать с ними. Вытащил весь невод на берег, бабы подбирали и тащили его сушиться к костру. Два костра нужно было жечь постоянно. На одном греть невод, на другом—чтоб бабы обогрелись. Два человека уже выбыли из строя. Варенька и несколько баб ходили чуть дыша, кашляли и чихали. Крысин ходил—руки за спину—и орал:

— Вы—враги народа, мать вашу... Да я вас, б..., под трибунал отправлю. Сучки деревенские...

Бабы не вытерпели:

— Чем орать, взял бы да помог нам, ты же видишь, что девка молодая, не может, болеет. Ангина. Встал и командывает...

Тётя Даша подтолкнула его к Вареньке и дала в руки невод. Крысин даже растерялся:
— Вы не имеете права, я здесь главный...—поскользнулся, упал в прорубь.

Тётя Даша не растерялась, подала попавшую ей под руку пешню:
— Держи!

Стала вытягивать горе-бригадира из проруби. Подросла Солдаткина и приняла участие в спасении. В конечном итоге Крысина вытащили и отвели к костру. Обогрели и обсушили. На сегодня работу решили закончить. Капитолина повела Крысина домой, на ходу они о чём-то переговаривались между собой.

Вареньку вместе с Крысиным повезли в Киреевск. Фельдшерница определила гнойную ангину и отправила девушку в город. Когда в городской клинике Вареньку осматривал доктор, спросил:
— Как ты себя довела до такой степени?

— Я здесь ни при чём, меня не отпускал бригадир.

— Я за такое его бы засудил, по нему тюрьма плачет!

Варенька промолчала.

Она долго лечилась, но всё же получила осложнение—болезнь сердца. И врачи запретили ей иметь детей.

...Прошли годы, и всё-таки я родился.

Бакенщик

Включив последний бакен, Шакир возвращался на моторке в Киреевск. Плыть против течения не очень-то приятно, обские волны сильно били в борта и днище, «казанка» то и дело подпрыгивала и качалась в разные стороны. Впрочем, Шакир уверенно ею управлял. Пока плыл, вспомнил о телеграмме, присланной от вдовы Василия Сурова, что тот недавно скорострительно умер. Из всей разведгруппы остался теперь один он, командира Скрипченкова убили в конце войны. Заступившемуся за официантку в ресторане бывшему старшине Захарчуку после войны дали срок—хорошо набил морду выпившему офицеру, из зоны не вернулся. Несколько лет назад погиб в горах Памира Коля Петров, попал под лавину. Так распорядилась судьба над разведгруппой, с кем он воевал во время войны...

...Особенно запомнил тот день, каким образом попал в разведку. Рядовые Альмекеев с Белоусовым провожали за линию фронта группу разведчиков в составе трёх человек. Первые двое успели переползти, немцы начали обстреливать наши позиции, Шакир заметил, как замыкающего бойца ранили, подполз к нему, тот лежал с простреленной ногой. С ним увязался напарник, рядовой Степан Белоусов.

— Ты его тащи, а вместо него с ними пойду. Хочу помочь разведке,—сказал Шакир Белоусову.

— Тебе за самоуправство знаешь что будет? Смори, — недовольно ответил Белоусов.

— Если живым останусь, вернусь и отвечу. Бывай, Стёпа.

Он пополз следом за разведчиками.

Шакир застал их в огромной воронке. Старший группы капитан Скрипченков, не оборачиваясь, спросил:

— Петров, ты что там долго? Нам за пару часов взять «языка» и вернуться назад.

— Товарищ капитан, разрешите с вами в разведку?

— А ты откуда здесь взялся? А ну марш туда, откуда приполз, — скомандовал ему Скрипченков,

Шакир не спешил уползать и всё ещё оставался с разведчиками.

— Вашего бойца в ногу ранили. Может, я на что-нибудь сгожусь?

— А ты знаешь, что бывает за самоуправство?

Штрафбатом пахнет, не отмоешься никогда, ты не только себя подставляешь, но и нас двоих, — немного помолчал, заговорил: — Ладно, пошли. Посмотрим, на что способен, комбат мужик нормальный, а вот капитан безопасности может подождать тебе.

«Языка» они взяли, причём офицера. После возвращения Шакиру сильно досталось от капитана безопасности, вызывал на допрос и бил нещадно, предъявлял ему, что тот хотел сдать немцам, а в это время мимо капитанского кабинета проходил полковник, увидел через приоткрытую дверь, как тот сильно избивал Шакира. Вошёл и выяснил, отправил Альмекеева к Скрипченкову, а капитану сделал выговор...

...Заглох мотор, лодка уткнулась в берег, Шакир, не вылезая, закурил и вновь задумался...

...Группа из пяти человек во главе с капитаном Скрипченковым шла гуськом. Они оторвались от линии фронта в глубь тыла врага приблизительно на три километра. После Нового года на здешнем участке фронта небольшое затишье. Разведка докладывала, что на ближайшей узловой станции Горюново скопилось большое количество немецкой техники и живой силы. Командование фронтом решило послать на станцию за «языком» лучшую группу под руководством капитана Скрипченкова.

Пройдя немного на лыжах, рядовой Альмекеев, мощный двухметровый сибиряк-татарин, начал хватать горстями снег и совать себе в рот.

«Давно не ходил на лыжах, а если и ходил, то уже и не помнит когда», — подумал Шакир.

Он шёл последним, замыкал группу.

Вылезла из черноты луна, и всё в округе окрасилось серебристым цветом. Шакир остановился, вспомнил сибирские места, откуда был сам родом. Сейчас эта веземная красота создавала лесу обволакивающую сказочность...

Вдур услышал оклик командира:

— Альмекеев, ты что там, уснул?

Шакир двинулся следом за всеми. Группа прошла сотню метров, вышла к охотничьему домику. — Ну, вот и пришли, — сказал командир, — нам придётся здесь заночевать, но рано утром мы должны отсюда уйти в небольшую деревушку Зайцево, где возьмём «языка», там находится штаб немцев этого участка фронта. Повторяю ещё раз: две группы, посланные в Зайцево, уже провалились. Наша задача — взять «языка».

Бойцы меж собой переглянулись, промолчали.

— Старшина Захарчук, заступишь первым в караул на два часа. А потом Суров, Альмекеев и Петров, — обратился капитан к усатому здоровяку.

Тот быстро ему отчеканил:

— Есть!

Утром чуть свет вся группа была на ногах. Командир вытащил карту и внимательно посмотрел на неё, что-то проверяя, вчетверо свернул, спрятал: — Идём как обычно, замыкает группу Альмекеев.

Дошли до огромной кривой берёзы. Командир поднял руку:

— Разбиваемся на две подгруппы. Со мной пойдёт Петров, а ты, старшина, забирай остальных. Встречаемся в старой конюшне. Когда обойдёте деревню, там и увидите её. Каждые полчаса выходит патруль. Будьте предельно осторожны. Расходимся.

Как и предполагал командир, патруль ходил на лыжах вокруг деревни действительно каждые полчаса. Подгруппа старшины прошла немного, хрустнула ветка, он дал команду:

— Фрицы!

Бойцы едва успели спрятаться за сугробы, как пять лыжников в белых халатах будто пролетели мимо них.

— Ничего себе, — удивился Шакир, продолжил: — У них что там, волшебные лыжи?

— Ага, по щучьему велению... — захихикал ефрейтор Суров.

— Отставить! — резко оборвал его старшина, наступила гробовая тишина. — Наши не напоролись, а если бы напоролись, мы сразу бы услышали стрельбу. Фриц нашего брата боится как огня. Короче, двигаемся потихоньку, — сказал старшина, встал на лыжню, покатил первым.

— Командир, наши идут, — всматриваясь в сторону леса, сказал Петров.

— Хорошо! — ответил капитан.

Уже в конюшне командир обратился к Захарчуку:

— Каким образом увернулись от патруля?

— Я шёл первым и услышал хруст, это нас и спасло.

— А меня успел за ёлку Петров спихнуть, патруль, как привидение, проскочил мимо нас, — и удивился: — Я не успел даже моргнуть глазом, так что будем готовыми на всякий случай. Короче, не расслабляться. Ждём темноты. Я видел, в крайнюю избу заходил долговязый офицер с портфелем.

Вот он нам и нужен будет. Альмекеев, готовься, старшина тоже. Вам доверю этот груз.

— Так точно, товарищ капитан, — отчеканил старшина.

— А сейчас завтракайте и по очереди начинайте следить за объектом, — ответил командир.

Прошло предостаточное время. Разведчики поодиночке менялись, следили. Уже стало темнеть. Пошёл обильный снег. Видимость становилась плохой, но для разведчиков лучше — легче укрыться в такой обстановке.

— Петров, видишь стожок рядом с объектом? Давай туда, смотри в оба. Когда фриц появится, мигни фонариком, Альмекеев со старшиной к тебе придут, его лучше перехватить при подходе к дому. Он там появится, вы его на месте и возьмёте. Вопросы?

— Ясно! — за всех ответил Петров.

— Ну, раз ясно, тогда все по местам.

Пока командир давал указания, пошёл ещё сильнее снег. Как только Петров исчез в снежной пелене, где-то недалеко залаяла собака.

— Фрицы усилили наряд, не прошло и получаса, это не к добру, — высказался Суров.

— Суров, засеки время и гляди, когда Петров даст нам знак, а я за тыльной стороной посмотрю.

— Есть! — твёрдо отчеканил тот.

Ждать немца с портфелем долго не пришлось, он приближался к дому, чуть-чуть покачиваясь из стороны в сторону. Состояние само говорило, что он хорошо поддал. Старшина с Шакиром выскочили, ударили с двух сторон под дых немца, вырубил на месте. Подхватив, потащили в конюшню, а Петров прикрывал их сзади.

— А сейчас нам отсюда нужно сматываться, чем быстрее, тем лучше, — сказал командир.

— Командир, — встрял Петров, — наряд патруля через четыре минуты должен пройти. Может, подождём?

— Хорошо! — ответил Скрипченков.

И действительно, через несколько минут из леса выскочили лыжники-немцы и подались дальше в обход деревни.

Взвалив немца на горб, старшина тронулся в обратную сторону по лыжне. Следом за ним цепочкой потянулись остальные разведчики.

Когда подходили к своей позиции, взметнулись ракеты, освещая низину, куда нужно было спускаться. Пришлось залечь. Немец-офицер проснулся и залепетал. Петров не вытерпел и сильно ударил по голове, вырубил.

— Так, Петров, если ты немца убил, я тебя посажу на губу, а лучше расстреляю, — подполз недовольный командир. — Немец нужен живой, а не труп, — взял запястье и нащупал пульс у «языка». — Твоё счастье, живой.

Немцы «прснулись» и стали стрелять куда попало. Постреляли и угомонились. Тем временем

разведчики с «языком» подползли к нашей батарее. Там их уже встречали.

Как потом оказалось, у немецкого офицера была карта этого участка фронта. На нём немцы хотели прорвать оборону, но разведчики успели перехватить этот важный документ. . .

...Закрыв на замок моторную лодку, бакенщик взвалил мотор на плечи, взял под мышки вёсла, хромая, пошёл в горку.

Дома Шакира ждал страж двора, старый пёс Дружок, единственный и последний друг на всём белом свете.

Беглянка. Рассказ деда

Жаркий день. Лето в самом разгаре. Фельдшер настоял, чтобы Митрич с контузией полежал в госпитале.

Сегодня он выписывался. Чистое обмундирование на нём, а на гимнастёрке сверкает орден Красной Звезды рядом с гвардейским значком. Он пожимает руку каждому палатному. Прощается. Взял котомку. Вышел. За оградой лазарета поймал попутку, которая направлялась в сторону его части. Пока лежал, фронт так и не передвинулся. Затишье. Проблема, может, и не в этом, хотя — кто его знает? А пока Митрич едет и ничего не подозревает — путь в десять километров ещё надо проехать. Проехали пару километров — с правой стороны у самой дороги стоял разбитый грузовик. Дымила рядом с ним воронка. Грузовик с Митричем остановился. Трупы водителя и сидевшего рядом лейтенанта залиты кровью. Только что приняли смерть два молодых мужика. На них страшно глядеть. Усатый водитель грузовика, на котором ехал Митрич, залез в кузов. Подозвал Митрича и показал на ящики, накрытые плащ-палаткой. Вскрыли первый попавшийся. Тушёнка. Ящиков было тринадцать. В углу сидела и мяукала рыжая кошка. Рядом находился труп её хозяйки. Прорытая насквозь пулёмтной очередью, лицом в небо лежала старуха в чёрной длинной юбке и ситцевой блузке. На голове повязан белый платок. В глазах её застыл гнев. Лицо искажено до предела. Руки сжаты в кулаки.

— Нужно их похоронить по-людски, — предложил водитель Митричу.

Где-то рядом заблеяла коза. Услышав человеческую речь, она пошла на голос. Выглядела коза изящной и бело-пуховой, с озорными глазами. На шее болтался кусок верёвки.

— Вот так подарок! — воскликнул радостно водитель. — Товарищ гвардии ефрейтор, у меня есть верёвка, мы её на рога накинём и привяжем, — разговаривался водитель.

— Ты её ещё поймай, — высказал сомнение Митрич.

Ловить пуховую озорницу не пришлось. Коза сама подошла к Митричу и давай его рогами бодать играючи. Он только успел погладить бок, как

она сама его подставила и успокоилась. Видимо, хозяйка таким образом козу успокаивала. Открыв задний борт, козу приподняли и осторожно поставили на пол кузова. Она даже не сопротивлялась. Успев закинуть шесть ящиков в свой грузовик, они издали увидели впереди себя чёрную «эмку». Сразу прекратили загрузку ящиков.

— Спокойно! — обратился Митрич к водителю.

Эмка приближалась быстро. Видимо, высокий чин, ехавший на ней, очень спешил. Поравнявшись с ними, машина резко остановилась.

— Что случилось? Кто вы такие? — выглянул из кабины генерал.

— Гвардии ефрейтор Чалкин, возвращаюсь после лазарета в свою часть. А тут немец подбил эту машину. Три трупа, кошка и коза. А ещё несколько ящиков тушёнки, — быстро отрапортовал Митрич.

— Так, говоришь, ефрейтор, тушёнка? — и генерал вопросительно посмотрел на Митрича.

Митрич головой кивнул на подбитый грузовик. Генерал нехотя вылез из машины и пошёл проверить.

— Действительно, тушёнка, — высказал своё мнение генерал. — Закинь мне пару ящиков, а остальные сдай в свой пищеблок, и козу тоже. Козье молоко полезно для раненых и тяжелобольных бойцов. Солдат на войне должен хорошо питаться, чтоб отлично воевать. А этих похорони.

— Есть, товарищ генерал! — взяв под козырёк, отрапортовал Митрич.

Генерал залез в машину, а Митрич с водителем погрузили в багажник тушёнку. Захлопнув багажник, Митрич махнул рукой, и генеральская машина тронулась с места. Сделав свою работу, они засобирались. Только на этот раз Митричу пришлось залезть в кузов — из-за козы, держать её за верёвку. Водитель пожалел кошку и забрал её к себе в кабину. Посадил в дырявую корзину. Проехав несколько километров, перед сожжённой деревней, где торчали, как головешки, печные трубы, грузовик остановился. Возле вырытой наспех землянки сидел на земле чумазый пацан. Водитель подозвал его, но тот не сразу среагировал.

— Малой, а ну-ка подойди сюда.

Пацан недоверчиво посмотрел на него и не тронулся с места. Вышла, вся в чёрном, старая женщина:

— Чего сидишь? Тебя зовут.

Только тогда пацан встал и подошёл к грузовику.

— На вот, держи, в хозяйстве пригодится, — и водитель сунул ему кошку.

Пацан тут же расцвёл, схватил и уже было потащил кошку в землянку.

— Погоди, вот тебе ещё гостинец, — и водитель протянул комковой сахар.

Пацан повернулся к нему и взял кусок сахара.

— Пожалуй, отдам им козу. Как-то этим горемыкам в этой жизни выжить нужно, — вслух проговорил Митрич.

Водитель промолчал и пожал плечами. Митрич открыл задний борт, и коза спрыгнула на землю, водитель только и успел её поймать за верёвку. Митрич тут же спрыгнул вслед за козой, взял её за обрывок и повёл к женщине. Вручил козу, повернулся к водителю:

— Ну, поедем, что ли?

Вслед за водителем Митрич залез в кабину, и грузовик тронулся с места. Довольный таким событием, пацан помахал им рукой. Проехав немного, они увидели, как слева замелькало белое пятно. Пригляделись: беглянкой оказалась старая знакомая. Водитель остановил машину, коза подбежала и заблеяла. Митрич и водитель вышли из машины. Обошли её кругом и снова взяли козу, приподняв осторожно, поставили в кузов. Митрич полез за ней, и грузовик тронулся, подняв за собой пыль столбом. Весь остальной путь они проехали без приключений.

Наконец-то часть, и сразу заехали на пищеблок. Вызвал старшего повара и передал ему ящики согласно тому количеству, сколько было. Выгрузили козу и увели на верёвке в неизвестном направлении. Митрич сразу пошёл к командиру, майору Свинцову.

— Разрешите войти, товарищ гвардии майор! Прибыл после лечения.

— А, Митрич, подлечился! Завтра жди пополнение. Я тебе дам пятнадцать человек. А теперь рассказывай, что с тобой приключилось по дороге. Мне уже звонили из штаба.

— А чего рассказывать? Как было, так и было, — усмехнулся Митрич.

— С тушёнкой ладно, а с козой?! — серьёзно посмотрел майор на Митрича.

— Приказ генерала! — отрапортовал он.

— Действительно, его приказ. Только где изволите держать козу? Ни вольеров, ни больших ящиков. Одна проблема с ней, — недовольно проговорил майор.

— Пока на верёвке. Может, не убежит, — ответил майору Митрич.

— Ладно, ступай. Отдыхай сегодня, а завтра приступишь к своим обязанностям, — посмотрел майор на Митрича.

Митрич отдал честь, развернулся и вышел.

Лёжа у стенки в блиндаже, Митрич думал о разном. Больше всего о козе. Даже генерал не стал возражать, а майор принципиально высказался против. Ладно, видно будет. Так мысленно он себя успокаивал. Клонило ко сну. Он не заметил, как уснул. Сквозь сон почувствовал, что кто-то его тормошит:

— Товарищ гвардии ефрейтор! Вставайте!

Он вскочил с топчана:

— Что случилось?

— Выйдете — и увидите, — всё тот же голос ответил ему где-то рядом в тёмном блиндаже.

Митрич встал в полный рост и пошёл на выход. У входа в блиндаж стояла коза с оборванной верёвкой на рогах.

— Ну вот, ещё тебя здесь не хватало, — проговорил вслух, поглядев на козу, Митрич. — И почему я тебя недооценил? Майор тебя точно отправит на живодёрню.

Взяв за обрывок верёвки, Митрич повёл козу на пищеблок. Коза не упиралась, а преспокойно пошла за ним.

— Хоть идёшь — не упираешься, и то хорошо, — повернул голову и заговорил с ней Митрич.

А коза шла как ни в чём не бывало и успела что-то по дороге зажевать. «Рассвет вот-вот должен наступить, надо поторопиться!» — про себя подумал Митрич и ускорил шаг.

— Пароль! — окликнул часовой.

— Дон, — ответил Митрич.

— Проходи! — разрешил часовой.

Впереди показались очертания пищеблока: навес с длинным столом, закрытый маскировочным материалом. Рядом стояла палатка. Митрич подошёл к ней и открыл полог:

— Кашевар, вставай!

Внутри кто-то зашевелился. Вышел заспанный здоровый мужик в гимнастёрке нараспашку.

— Чё надо? — но, увидев козу, понял. — Дурная коза. На неё верёвок не напасёшься.

Митрич спросил, в каком месте коза стояла на привязи.

— Пошли, покажу, — ответил кашевар и повёл к уцелевшему телеграфному столбу.

«А место неплохое, трава есть», — подумал Митрич. Один конец пятиметровой верёвки был привязан к столбу, а другой валялся тут же на земле. Митрич развязал рога, а оборвыш верёвки откинул в сторону. А конец, который валялся на земле, подобрал и крепко привязал к рогам.

«Может, в этот раз не убежит», — подумал он и, не глядя ваясь, зашагал в свой блиндаж.

День стоял пасмурный. Ветер гонял тучки по небу и разгонял их дальше, за серый горизонт. С востока тянуло гарью. Видимо, что-то горело рядом. Митрич ходил и проверял посты. Дошёл до своего блиндажа. Кроме него, там располагался фельдшер, сержант медицинской службы Семён Кузьмин, мужик среднего роста, серьёзный молчун родом из Донбасса. И ещё связист, рядовой Алексей Прокопьев. Высокий, обаятельный парень, говорливый волжанин из Астрахани. С ним скучно не бывает. Приоткрыв полог, Митрич вошёл. Из небольшого отверстия падал свет, и видно было, как на свету связист, рядовой Прокопьев, ковтырялся в своём вещмешке, насвистывая себе под

нос весёлый мотив про чижика. Фельдшер сидел на топчанах и курил. Думал о чём-то своём. Они даже не обратили внимания, когда Митрич вошёл. — Погодка сегодня скверная, — проговорил Митрич.

Никто не ответил. Он присел на свой топчан. Вытащил из кармана кисет. Закрутил козью ножку и ловко высыпал внутрь её махорку, прикурил, затянулся. И с блаженным удовольствием выпустил струйку дыма. Прислонившись к бревенчатой стенке, задумался. Старшая дочь Варька написала, что мать родила девчонку. И ещё корова отелилась, и что бригадир, который бабами командует, дурак дураком, его прислали из района вместо ушедшего на фронт Мишки Жаткина. Вот такие пришли новости из дома. Закончив курить, он затушил окурок. Распотрошил и положил его в коробочку из-под леденцов. Кинув вещмешок под голову, прилёг и укрылся шинелью. Закрыл глаза. Уснул.

Проснулся, тряс его Прокопьев.

— Митрич, вставай. Коза опять сбежала и стоит за пологом у входа. Мёдом, что ли, здесь для неё намазали? Бегает, не сидится, — недовольно высказался он в адрес козы.

Митрич откинул шинель, сел. Встал. Пошёл на выход. Только открыл полог, коза тут же его начала бодать.

— Ишь ты, разошлась, — проговорил спокойно Митрич и начал гладить ей бок, та и успокоилась.

Взяв за обрывок верёвки, Митрич снова повёл козу туда, откуда она сбежала.

Они спокойно дошли до места. Митрич хотел отвязать обрывок на козе, та резко дёрнулась — решила убежать, что и сделала. Коза ломанулась через дорогу в кусты и быстро засемила к болоту. Митрич с досады плюнул и пошёл за ней. Пройдя немного, он чуть было не наткнулся на торчащую авиационную бомбу. Встал перед ней, осторожно повернулся назад, пошёл по своим следам. Только вышел с опасного места, коза стояла и ждала его. Митрич взял её за верёвку, повёл к месту и там крепко привязал.

— Стой смирно и не сбегай.

Ласково погладив ей бок, Митрич отправился к майору — доложить о бомбе. Оттуда пошёл в свой блиндаж.

В блиндаже Прокопьев разговаривал с Кузьминым: — Ты вот не представляешь, как всё это было. Я, значит, выхожу, а здесь она стоит. А чего стоит? А мне нужно по-маленькому сходить. И никак не обойти, не обойдёшь. И что у неё на уме, не понять. Пришлось Митрича будить.

Он замолчал. Вошёл Митрич.

— Мог бы и не будить. Погладь бок козе, та и успокоится. Умная животино, — высказал свою точку зрения Митрич и поглядел на Прокопьева. — А мне что, из-за неё и в туалет нельзя сходить?

— Штаны сухие? Какие вопросы?

— Ну скажет тоже! — тихо засмеялся Прокопьев и хитро посмотрел на Митрича.

— У нас ещё пара часов на отдых. А сейчас спать! — скомандовал Митрич.

Все трое улеглись, каждый на своём топчане. Так они лежали до рассвета.

Уже и день подходил к концу. Митрич с самого утра находился в землянке майора. Того вызвали в штаб, откуда он ещё не возвращался. Так за весь день Митрич ничего не сделал, хотя надо основательно просмотреть всё обмундирование вновь прибывших новобранцев. Сам лично хотел проверить, а тут застрял, ожидая майора. Правда, пообедал.

Смеркалось. Затянуло. Закапал мелкий дождик. Зашуршало за дверью. Дверь распахнулась, и возник майор. Отряхиваясь у порога, он присел на табурет.

— Хорошо-то как, дождик всё смоеет. И самое главное — скоро на нашем участке начнётся наступление, а именно с твоей позиции мы и начнём, — и он внимательно посмотрел на Митрича. — Время и дату мне в штабе не сказали. А теперь разойдись по своим местам, — скомандовал майор.

Митрич отдал честь и вышел из майорской землянки, направляясь к своей позиции. Шёл, шёл,

вроде оступился, как ему показалось. Повернулся, а сзади стояла коза и тихонько заблеяла.

— Вот чего тебе-то опять не сидится на месте? — и, взяв козу за верёвочный оборвыш, повёл её обратно.

Прошли спокойным шагом до пищеблока. У пищеблока стоял кашевар и курил. Увидев Митрича с козой, он тут же выкинул окурок на землю и затоптал его сапогом, пошёл, не оглядываясь. Они подошли к столбу, куда козу привязывали.

И в этот момент у Митрича что-то оборвалось в душе. Беспокойство какое-то одолело.

Неожиданно земля пошла ходуном. Митрич только и успел лечь на землю. Вой, визг и канонада смешались в кучу. Этот ужас длился всего несколько минут, но казалось, что длится целую вечность. Наша сторона не успела дать ответный удар.

Когда всё закончилось, на наших позициях наступила гробовая тишина, как и у немцев. Основной удар получил Митрич со своими бойцами. В подразделении у Митрича недосчитались нескольких солдат. Двое убиты, четверо ранены. Причём один — тяжело. В других подразделениях незначительные потери. Снарядом разнесло полевою кухню и осколком убило козу. Война никого не щадит.